

„СВЯЩЕННАЯ ЛИРА”

Зарубежье

1938

Тысячелетнему и нашему
Брату Улану
Улану.

от А. Улан

Терев, 22 мая 1988г.

Юрій Іваск * * Стъверный берег (1933—1936)

**И апечатано в количествѣ ста экземпляров
в З арубежьи в тысяча девятьсот тридцать
восьмом году**

Zakł. Graf. P. Szwede, Warszawa, Warecka 9, tel. 509-31.

БАРАТЫНСКІЙ

Сѣверный берег унынія,
Дремлет тяжелый поэт,
Смерти прямая линія,
Траурный горизонт.

Скорбное чайки пророчество,
Бѣлый тускл полусвѣт.
Бог своего одиночества
Бѣдный застыл поэт.

Словно спросонья — Финскаго
Медля ползет волна.
Это его, Баратынскаго,
Сумрачная страна.

Щастіе, шепчет, нѣтъ щастія,
И улыбается — пусть!
Легкій столбняк сладострастія,
Уединенія грусть.

В сумерках локон, локон
Черного вала бѣлѣет,
Люди глядят из окон,
Хмурятся и блѣднѣют.

Небо от слез распухло,
Черной дыша пустотою,
Юноша с браунингом рухнул
В самое простое.

Каркнул черный ворон
С маленькой бѣлой отмѣткой,
А воробей проворный
Прыгнул с вѣтки на вѣтку.

Дождик, глупый, спросонья,
Слабо всхлипнул в трубах,
Часто мои без спросу
Тихо шепчут губы...

Скоро в силѣ и славѣ
Синіе сіяя снѣга
Сѣвер свобода саван
Смерти суровый сон

Я исполнил закон,
И славой золотою сіяет осень,
Блѣдная в мыслях просинь.

Я исполнил закон,
И смерти серебристый струится свѣт,
Бѣлый снѣжинок бред.

Враг мой мрачный умолк..
Жду я свѣтлаго друга.
Я исполнил свой долг.
Я выхожу из круга.

В честь побѣдителя хор,
Дружный, юншей грянул..
Вдруг помутился взор.
Гордый, куда ты глянул.

Он исполнил. Он ждет.
Смерть, гдѣ твое жало.
Он сегодня с ума сойдет..
Побѣдителю славы мало.

Больше нѣт врага.
Друга я не знаю.
Скудные свѣга.
Мгла неземная.

Славы и величія вечер,
Дикія торжественны рѣчи.

Моря отчаянья прилив.
Вѣтра отчаянный порыв.

Суевѣрнаго страха полно,
Разрывается сердце молній.

И взываю средь волн и толп,
Обрати меня, авва, в столп.

Слава, мастер и воин!
Слава, молот и меч!
Вѣрный отрок достоин
Честь дружины беречь!

И в зiянiи нѣдр,
И в сiянiи числ,
Будь спокоен и щедр,
Ясноок, ясномысл.

Вождь
трезв бодр
щедр добр

ВОЖДЬ

трезв — чистый ключ
бодр — бѣлый день
щедр — ясный луч
добр — дуба сѣнь

ВОЖДЬ

трезв бодр
щедр добр
ВОЖДЬ.

ВТОРАЯ СМЕРТЬ

1

Из гроба вышедший мертвец,
Вознагражу свою потерю,
Глаза открою наконец,
Давно забытому повѣрю.

И голосом как бы чужим,
Закутанный в позорный саван,
Я крикну мертвым и живым,
Не я, а он, велик и славен.

И юношей высокій сном
Меня, как боевое знамя,
Поднимет ввысь, и смутный сон —
Туман — разсѣется над нами.

В глаза ударит яркій день,
И увидет сонм в обитель славы,
И зашумит родная сѣнь
Просторной и густой дубравы...

— Незримый, улыбнися, друг,
— По имени назвав героя!
Услышав задушевный звук,
Мы выйдем из земного строя.

2

Печален, сердце, твой рассказ,
О первой смерти, о паденьи,
А нынѣ восхищает час
Свободнаго самозабвенья...

Куда, в какую синеву
Небес, высокую, и выше...
Куда, невѣдомо, плыву,
Земные шумы тише, тише.

Прощайте, славные дубы,
С землей прощаюся навѣки.
А синій лед ласкает лбы,
Закрытыя ласкает вѣки.

МЛАДШІЙ БРАТ

1

Над книгой бѣдный книжник бдит,
Забыв, что хорошо, что плохо,
А он, который есть эпоха,
Бездумно весело глядит.

Эпоха — это многоглавый
Двадцатилѣтній младшій брат,
И умных книг милѣй стократ
Ему военныя забавы.

Еще житейских чужд забот,
Еще безпомощныя плечи,
Еще застѣчивыя рѣчи
И пухлый полудѣтскій рот.

И вдруг — какое изваянье!
Окаменѣлый, роковой;
Весь их спартанскій русый строй
Застыл в бездушном ожиданьи.

А еле зримая душа,
Дитя германскаго тумана,
Словам народнаго тирана
Уже внимает не дыша.

2

. . . . .
. . . . .
А воин славы есть любитель,
Едва окрѣпшій юный дуб.

Он не боится тьмы Борея,
Своей не помня красоты,
А тьма дохнет, и вновь листы
Падут дубовые, темнѣя.

И тихо скроет бѣлизна
Величье бурной черной ночи,
А в небѣ рядом многоточіи
Сверкнет пустая глубина.

Но смерти безконечный холод
Крылатой славы не скует,
Она, свободная, споет
О тѣх, кто безкорыстно молод.

Наперекор законам числ
Герои умирали тѣ,

В большой всемирной пустотѣ,
Их жертва — вопіющій смысл.

3

Лакедемонян обманула
Всегда бессмысленная власть,
А героическая страсть
Зефиры чистые вдохнула.

Судьба виновников карай,
Я требую ужасной мести,
А голос говорит мнѣ чести:
Иди и требуй — умирай.

Он один сидит под кленом,
Сух и свѣтел, и поник,
Он в далеком, вѣчном, оном,
Очень юный, и старик.

А листва, она, сіяя,
Из послѣдних сил, листва,
Еле дышет неживая
И колыхается едва.

Все уходит, все из жизни,
Ничего не говорит,
И в осенней той отчизнѣ
Он самим собой забыт...

(Но души бессмертной славу
Зрѣть, по слухам, довелось
Тихому сему по нраву
Золотое древо сквозь).

Осень снова стелет дожде
У подножья добрых сих,
Мнѣ они всего дороже,
Дубов знатных, золотых.

Надо мной их снова главы,
И сіяя, и сквозя,
Еле зримой блѣдной славы
Обнажается стезя.

Снова близок час разлуки
И высокой встрѣчи миг,
Опуская, медля, руки,
Подымаю блѣдный лик.

Будет новый в жизни смотр,
Много времени спустя
Снова русое дитя,
И, смѣясь, отступит смерть...

Льзя ли сѣмени потомств
Днями ветхую вернуть,
Юность давняго и суть,
И какая польза в том?

Или лить свою же кровь,
Славу с неба полюбя,
Самого забыв себя,
Полюбить далекий край?

И в потомствѣ ты не тот,
И в раю не тот, не ты,
И чужія тѣ черты,
А не бойся — это так.

И в ноябрь они бывают,
Бывают солнечные дни;
Сияют краткіе они,
Но горькой правды не скрывают.

И поздней осени жилище
Еще пустынный и грустный;
И ты, душа, еще бѣдный,
Чѣм это бѣдное кладбище.

И все же солнечным сіяньем,
Скупою славой неземной
Земля гордится, а больной
Мирится с болью и страданьем.

СОСНЫ

...Человѣк в сѣннѣ, в молчаніи,
Снова довѣряется уму,
Забытая вздоры и мечтанія,
Нѣкогда любезныя ему.

Вѣтреныи любитель мракобѣсія,
Нынѣ снова прославляет он
Справедливости и равновѣсія
Свѣтлыи и таинственныи закон...

Уходящія в просторы синіе
Праведны, суровы и просты
Превосходныя прямыя линіи
Еллинской прекрасной высоты.

Эта золотая геометрія!
Эта голубая тишина!
Час полудня, зноя и безвѣтрія,
С глаз спадает пелена.

Я один, но молодой есть друг
С широко раскрытыми глазами;
Простодушно улыбнется вдруг:
И стихи читая за стихами,
Неизвѣстному, весной, вечерами,
Молимся мы с ним наединѣ;
И не происходит чуда с нами,
Но чудесно вмѣстѣ в тишинѣ.

Нѣтъ, не родина, родной язык
Счастья одинокаго дороже;
Узок, тих и блѣден, я поник
Этой ночью на пустое ложе;
В пустотѣ великой—что же, что же,
Кромѣ русских пѣсен и стихов?
И все ближе и прекраснѣй—строже
Тайна сказанных когда то слов.

**В мірѣ Богом проклятых вождей,
Я — за героическія братства
Благородных молодых людей;
Безкорыстно, без лице іріятства,
Расточают пусть они богатства
Добровольно молодой души!
За свободныя простыя братства,
Выросшія в юности, в тиши!**

Г р о н с к о м у

**И возстал в изгнаніи поэт,
За поруганную святость чести,
За свободу, славу, сѣвер, свѣтъ;
Юный и отважный, чуждый мести,
Рыцарь, рыцарь благодатной вѣсти
В царствѣ горноснежной чистоты;
Рыцарь, рыцарь, преданный без лести
Сюзерену блѣдной высоты.**

Изданія
„СВЯЩЕННОЙ ЛИРЫ“

1. Георгій Клингер „Небесный плуг“. 1937
2. Л. Гомолицкій „Ода смерти. Баллада“. 1937.
3. А. Кондратьев „Вертоград небесный“,
Л. Гомолицкій „Сотом вѣчности“,
Г. Клингер „Жатва Божія“. 1937.
4. Л. Гомолицкій „В нави зрѣти“. 1937
5. Юрій Иваск „Сѣверный берег“. 1938.